

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУР КЛУБНОГО ТИПА И ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ В ЭПОХУ СОЦИАЛИЗМА

В.И. ПЛЕЩЕНКО

ФГУП «Гознак», Москва, Россия
v_pl@mail.ru

Развитие современного общества потребления, возрастание роли досуга в жизни людей инициировали бурное развитие клубных сообществ, значение которых в общественной жизни и экономике непрерывно усиливается. Несмотря на то, что культура клубов зародилась на Западе, в СССР также существовали формальные и неформальные клубные механизмы координации коллективных действий как индивидов, так и хозяйствующих субъектов. В статье анализируются процессы товарообмена, создания и распределения благ в условиях плановой экономики и ограниченной функциональности денег; показана специфика советских коллективных сообществ клубного типа, их роль в социально-экономической жизни страны, формировании ее институционального климата.

Ключевые слова: теория клубов, формальные и неформальные клубы, сети, институты, товарообмен в условиях социализма, координация, информационный обмен.

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития общества характеризуется усилением роли институтов и механизмов межорганизационной и межличностной координации, в основе которых лежат добровольные объединения клубного типа. Типология клубных ассоциаций достаточно широка и многогранна. Так, разделение возможно по различным признакам: степени формализации, массовости, территориальному охвату, целям (деловые, общественно-политические, культурно-досуговые), наличию оплаты допуска или участия и ее форме.

Следует отметить, что если в прошлом объединение граждан в организованные группы вызывалось, в первую очередь, необходимостью более эффективного отстаивания своих прав: политических, экономических, религиозных, то установление на Западе современной либерально-демократической модели государства и социально ориентированного рыночного хозяйства, существенным образом изменило ситуацию. В частности, общественные противоречия, классовый антагонизм существенно уменьшились, а благосостояние населения и уровень его социальной защищенности возросли. Схожие процессы происходили в СССР и странах социалистического лагеря, но с тем отличием, что проблема классового антагонизма решалась не эволюционным, а революционным путем.

Параллельно, под воздействием научно-технического прогресса, уменьшилась доля физического труда, сократилась рабочая неделя, поэтому у значительной части населения появилось достаточно много свободного времени, которое следовало каким-то образом использовать. При этом развитие общества массового потребления инициировало появление новых форм и механизмов социально-культурной стратификации людей. Как результат, возник вопрос о новых формах межличностных коммуникаций, объединении людей в сообщества по интересам, в рамках которых они могли бы совместно достигать поставленных целей. Подход к решению возникших проблем был предложен в рамках экономической теории клубов.

ОБ ОСНОВАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КЛУБОВ

Данная концепция зародилась на Западе в середине XX века и имела в своей основе описанную американским экономистом, лауреатом Нобелевской премии Джеймсом Бьюкененом идею свободной самоорганизации индивидов для совместного достижения определенных целей, заключающихся, как правило, в обладании какими-либо благами или ресурсами. Блага, производимые в рамках такого сообщества, являются эксклюзивными, поскольку они распределяются исключительно между его членами. То есть внутри клуба все их получают в равной степени, не конкурируя при этом между собой. Говоря иными словами, клубы характеризуются возможностью исключить посторонних лиц из процесса их потребления, неся разумные затраты [1, с. 31]. К сказанному добавим, что «проблему безбилетника», характерную для потребления общественных благ, легче решить в пределах локального коллектива, нежели в масштабах региона или страны¹.

Клубы могут быть как формальными, так и неформальными. Под формальными клубами в контексте настоящей статьи автор понимает

¹ Кроме того, коллектив воспитывает эффективнее формальных санкций [1, с. 136].

объединения людей, имеющие организационную структуру, установленные регламенты функционирования, а также зарегистрированные в уполномоченных государственных органах (к примеру, некоммерческие партнерства или потребительские кооперативы). Неформальные клубы, напротив, ни одного из этих условий не выполняют. Тем не менее в них могут культивироваться определенные традиции, возникать лидеры, реализовываться совместные проекты. Фактически это «протоклубы» – или сети с правилами, начальная стадия развития институтов. На взгляд автора, эволюция общественных структур может идти по направлению: «сети» – «неформальные клубы» – «формальные клубы».

В настоящее время понятие «клуб» рассматривается достаточно широко и не ограничивается его трактовкой как инструмента для получения и распределения бонусов среди участников. По мнению известного исследователя «новой экономики» А.Б. Долгина, в качестве клубов могут выступать все виды групп по интересам, таких как союзы, кружки, лиги, общины, отряды и др., то есть объединения людей, полезных друг другу: в достижении результата или создании благоприятной атмосферы при занятии чем-либо [1, с. 34]. Также предполагается возможность извлечения общественной пользы от существования сообществ за счет утилизации активности индивидов². Считается, что клубы являются важнейшим элементом современного либерализма, поскольку клубная теория позволяет решить основную проблему, стоящую перед либеральной мыслью – проблему границ свободы и суверенитета [1, с. 32]. В рамках клуба человек может развивать свою индивидуальность, поскольку каждый из них в результате определенного отбора представляет собой довольно однородную среду.

Важное значение коллективных сообществ в современных условиях отмечает член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер, констатирующий, что в новых экономических парадигмах существенную роль играют средовые социальные образования, в том числе различного рода интеграционные клубы и сети, объединяющие не только агентов – потребителей и производителей, – но и различные уровни экономики (включая государство и предприятия) [3, с. 33]. Согласно позиции А.Б. Долгина, клуб – это ключевая форма существования современного общества потребления, поэтому новая экономика в первую очередь работает с обустройством и содержательным наполнением клубов, сообществ, коммуникационных кругов [4, с. 23]. В условиях «новой экономики», характеризуемой

² Такие многофункциональные клубы получили название «волонтерских клубов». В отличие от обычного, волонтерский клуб учитывает не только соотношение издержек и бонусов, но и степень доступности членства и привлекательности сообщества для третьих лиц, что обеспечивает его репутацию [2].

широким применением информационных технологий, принципиально новых бизнес-процессов, стремительным развитием информационно-коммуникационной среды на базе Интернет, предполагается, что роль клубов в общественной жизни будет непрерывно возрастать.

Несмотря на то, что теория клубов порождена либеральной экономической мыслью Запада, автор считает необходимым указать: клубные сообщества существовали и развивались и в условиях социализма. Намерение проиллюстрировать специфику советских коллективных сообществ клубного типа, показать их роль в социально-экономической жизни страны, а также влияние на нынешнее состояние институтов в России и явилось целью написания настоящей статьи.

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ

Основы современного общества потребления сформировались в конце XIX века и были описаны Торстеном Вебленом в работе «Теория праздного класса». Возвышение и обогащение буржуазии на фоне обнищания родовой аристократии сопровождалось тем, что главную роль в общественной жизни верхушки общества стали играть демонстративное расточительство, безделье, показное потребление. Таким образом, ценность товара стала определяться не его полезностью, а символическим значением – способностью отличаться от ближних самим фактом владения данной вещью. Соответственно, общественный престиж индивида из «праздного класса» определялся степенью его расточительности, способностью удерживать лидирующие позиции в безудержной гонке тщеславия. Следует отметить, что Веблен включал в «праздный класс» лишь наиболее крупных финансовых магнатов, не считая при этом мелких и средних предпринимателей социальными иждивенцами [5, с. 327].

Заметно ускорившееся экономическое развитие вызывало все большую диффузию явлений и принципов, характеризующих «праздный класс», в целом по обществу. В результате желание выделиться перекинулось и на менее обеспеченные слои³. Потребление неуклонно расширялось и становилось массовым. Естественно, что желание отгородиться от многочисленных последователей и подражателей вело к созданию ограниченных социальных групп, таких как клубы. Будучи изначально лишь сетями, то есть совокупностью связанных людей, они постепенно обрастали правилами и традициями, переходя в разряд институтов.

³ В современной России мы постоянно становимся свидетелями того, что даже не вполне обеспеченные домашние хозяйства приобретают (на последние деньги или в кредит) дорогие автомобили или ездят на отдых за границу, не имея при этом собственного жилья.

Поясним вышесказанное более подробно. Современное общество потребления стало массовым, и этим оно отличается от схем, ранее описанных Т. Вебленом. Тем не менее, как отмечает А.Б. Долгин, субъекты «праздного класса» потребляют не товар, а его воздействие на окружающих (в том числе и в плане цены блага) [4, с. 31]. Таким образом, на переднем плане оказываются символическое значение покупки и информация о ее цене. При нынешнем массовом потреблении эти вещи становятся базой для стратификации социума, маркерами для опознания людей на предмет принадлежности, допустим, к группе единомышленников. Вытекающая из этого необходимость ограничения круга взаимодействия ведет к установлению правил отбора в группы, а также цензов: имущественных, культурных, возрастных, гендерных и др.

Успешность современной западной цивилизации во многом предопределялась тем, что в Европе и Северной Америке в результате многовековой борьбы были созданы работающие институты (суды, политические партии, профсоюзы и т.д.), действовали гарантии прав и свобод, а действия властных субъектов были, как правило, предсказуемыми. Это касалось сферы государственного управления, экономической жизни, а также общественного развития.

Многие исследователи говорят о том, что институты в России не действуют должным образом, не приживаются; более того, происходит деинституционализация общества и экономики. Как подчеркивает Б. Дубин, большинство институтов в России работает плохо потому, что граждане им исходно не доверяют (при этом ничего не делая для того, чтобы они стали иными) [6]. Фактически граждане не связывают с формальными институтами надежд на возможность решения проблем, в то же время, как это ни парадоксально звучит, считают, что государстве должно о них позаботиться и все решить правильно и справедливо. Распространенная на Западе самоорганизация в нашей стране сдерживается низким уровнем гражданского сознания, низкой заинтересованностью в достижении общего результата. Это объясняет тот факт, что и в СССР, и в нынешней России достаточно неплохо развиты сети, как инструменты решения личных проблем (нехватка средств, информации, недостаток общения и др.), но не общественные институты. Однако сети – это прежде всего связи, а институты – это уже правила и отношения. В этой связи важно, что современные клубы предполагают синтез сетей и институтов, представляя собой взаимосвязанных людей, добровольно соблюдающих определенные правила взаимодействия. Как следствие, развитие клубов могло бы способствовать преодолению институционального кризиса в России.

Следует указать: в России недостаточная развитость и эффективность клубов (в широком понимании этого термина) во многом следует из инер-

ции общественного развития, влияния рудиментов административно-командной системы управления. Так, в СССР формальные институты далеко не всегда работали эффективно, поэтому их дополняли теневые отношения и неформальные клубы, которые, если сравнивать с каноническим представлением, таковыми были лишь отчасти.

СТРУКТУРЫ КЛУБНОГО ТИПА В УСЛОВИЯХ СССР

Как известно, деньги в СССР не выполняли в полной мере всех присущих им функций. Скажем, наличие у гражданина свободных средств не гарантировало возможность потратить их по своему усмотрению⁴. В советской экономике классические механизмы товарно-денежных отношений, рыночного оборота зачастую заменялись натуральным обменом. Академик Н.Я. Петраков довольно справедливо сравнивал советские рубли в последние годы социализма с лотерейными билетами [7, с. 120–121]. Действительно, возможность совершить покупку в тех условиях походила на выигрыш в лотерею, поэтому у населения возникали большие объемы вынужденных сбережений, а спрос носил отложенный характер.

Поскольку потребитель не всегда мог купить что-либо необходимое за деньги, то возникали суррогаты, выполнявшие роль средств платежа, в частности, многие товары или услуги можно было обменять на спиртные напитки. Кроме того, как пишет С.Г. Кордонский, возникла специфичная «административная валюта», в виде документов (писем, распоряжений) от различных ведомств, которые могли конвертироваться в конкретные материальные или нематериальные блага [8, с. 11–12]. Текущие «котируемые» таких бумаг определялись иерархическим уровнем инстанции, их выдающей. Таким образом, «административная валюта» давала право на участие в процессе распределения благ, но ввиду неопределенности «курса» при ее обмене возникал торг.

Для функционирования такой системы обмена требовались инфраструктурные элементы, поэтому сложились особые посреднические институты в виде связей, «нужных людей», а обеспечение предприятий и организаций осуществлялось с помощью так называемых «толкачей».

Так как производимых благ на всех не хватало, то для начала гражданин должен был выстоять очередь, что давало претенденту административное право на потребительскую ценность. Но физическое обладание благом наступало лишь после торга с лицом, распределяющим его [8, с. 9]. Происходивший торг мог быть разным: денежным, в обмен на услу-

⁴ Вспомним в этой связи проблемы героя «Золотого тельника» – обладателя 1 миллиона рублей Остапа Бендера, – описанные Ильфом и Петровым. Государство не считало его покупателем, в отличие от коллективов трудящихся.

гу или информацию, с привлечением влиятельных знакомых. В крайнем случае распределитель брался «на измор».

Помимо повседневного труда важным условием достижения индивидом успеха в жизни являлась принадлежность к формальным сообществам. Л. Гудков и Б. Дубин подчеркивают, что практикой советской власти являлось статусно-иерархическое распределение и, соответственно, потребление [9, с. 27]. При этом они характеризуют советские общественные организации, будь то ДОСААФ, общества инвалидов и ветеранов, союзы охотников, рыболовов и филателистов, кружки «Умелые руки» и т.д. как элементы организации тотального контроля за населением, инструменты обеспечения поддержки мероприятий, проводимых властями [9, с. 24].

Членство в КПСС, комсомоле, профсоюзе, творческом союзе существенно влияло на перспективу дальнейшего карьерного роста, а также получение премий, различного рода наград и званий. Также активное участие в работе формальных союзов давало еще и возможность обретения элементов материального благополучия: отдельной квартиры, дачи или садового участка, путевки в санаторий и др. Естественно, что получение таких «знаков принадлежности» требовало от обладателя обслуживания своего повысившегося статуса, то есть покупки новых предметов потребления. Но проблема заключалась в том, что в условиях социализма количество (да и качество) производимых благ не соответствовало уровню спроса, а цены не выполняли информационной функции. Вследствие дефицитности благ, неспособности государства удовлетворить возрастающие материальные потребности населения развитие неформальных клубных объединений получило дополнительный импульс.

Неформальные клубы дополняли формальные союзы и государственные органы в тех вопросах, которые они либо не могли решить, либо решали слишком долго (проблема очереди). Проблемы решались как бесплатно (например, для «хороших знакомых»), так и на возмездной основе. В качестве платы могли выступать деньги, вещи (оплата натурой), а также полезная информация⁵, либо возможность встречного допуска к услугам других подобных клубов. С классическими клубами советские клубные образования объединяло то, что распределение дефицитного блага по благу не вызывало открытого соревнования. В то же время келейность процесса и отсутствие состязательности приводило к тому, что он не регулировался авторитетной фигурой судьи и не был публичным [6]. То есть возникали условия для произвола, необоснованного увеличения размера статусной ренты.

Неформальные сообщества организовывались непосредственно гражданами, зачастую стихийно. Они не имели жесткой организационной

⁵ К примеру, об ожидаемом поступлении дефицитного товара в торговую сеть.

структуры и институционального оформления. Основные цели образования и последующего функционирования таких клубов – получение разнообразных благ, распределение дефицитных продуктов, решение проблемы недостатка средств. Как было упомянуто выше, типичная советская практика – использование установившихся связей, знакомств с «нужными» людьми. В числе таковых могли выступать, к примеру, продавец мясного отдела гастронома, заведующий мебельным магазином или официант в ресторане⁶. Естественно, что около подобных персон постепенно формировался круг людей, намеренных материализовать свои желания и потребности и обладающих для этого достаточными средствами. У.Г. Николаева называет такие образования «сетью услугуобменных связей», позволяющей подобным лицам использовать должностные возможности [10].

Важным элементом системы были координаторы, информационные посредники, аккумулирующие сведения о связях и «нужных людях» (см. рис. 1). Фактически они играли роль регулировщиков информационных потоков. Формируемая система была моделью планетарного типа. Первоначальная структура зарождалась на основе принципа притяжения («планета – спутники»), а затем система развивалась как совокупность разнородных клубов, объединенных в сетевые сообщества («галактики»). «Нужные люди» и «регулирующие» получали за свой труд статусную ренту, причем необязательно в денежной форме. Понятно, что важным условием успешности таких клубов являлось доверие между участниками и накопленный членами коллективного сообщества репутационный капитал.

С каноническими клубами данную модель объединяло наличие залога, то есть поручительства одного из участников за нового члена, получавшего доступ к распределительному каналу. В этой связи понятно, что кооперация индивидов в рамках сообщества носит преимуществен-

⁶ Хрестоматийный пример подобной ситуации – это советский фильм 1976 года «Ты – мне, я – тебе», в котором престижный московский банщик Кашкин сформировал массив клиентов, имеющих возможность распоряжаться дефицитом, и с их помощью обеспечивал себе высокий уровень личного потребления. Другой сюжет – из фильма 1964 года «Легкая жизнь», показывающего вторую жизнь заведующего химчисткой, занимающегося ночным надомным бизнесом по выведению пятен и взаимодействующего с клиентами с помощью спекулянтки – распространительницы дефицитных товаров (порой поддельных) по прозвищу «Королева Марго». В целом подобного рода активность неформальных клубов советскими государственными органами оценивалась весьма негативно, поскольку, в конечном счете, способствовала развитию теневого, а также криминального секторов экономики. Роль «черного рынка» в жизни граждан страны была достаточно велика. Так, академик Н.Я. Петраков отмечал, что в отдельные периоды до трети потребительских товаров проходило через систему «черного рынка» (а изделий легкой промышленности, мебели и бытовой техники – около 50 %) [7, с. 53].

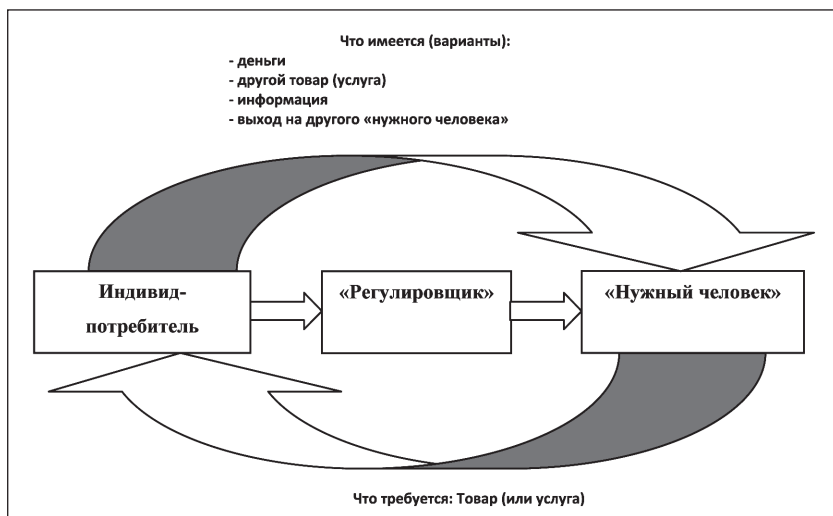

Рис. 1. Схема товарообмена в рамках неформального клуба

но длительный характер, а поэтому она не может описываться моделью «игры с нулевой суммой». Конечно, случаев обмана это не исключало, но все же вероятность оппортунистического поведения не была столь высока, как, к примеру, при транзакциях со случайными встречными (скажем, на рынке или вокзале). Таким образом, посредством сформированной системы сигналов и знаков как средства организации обмена товарами и услугами индивид допускался к потреблению клубных благ⁷.

Однако имелось и весьма существенное отличие советских клубов от западных. Оно заключалось в том, что данные сообщества обеспечивали не столько статусные траты или приятный досуг, сколько позволяли гражданам удовлетворять свои текущие потребности в условиях неполной функциональности денег. Западные же клубы, помимо общей задачи обеспечения ограниченного потребления, в большей степени нацеливались на то, чтобы занять свободное время людей, способствовать утилизации их энергии (причем, если говорить применительно к формальным образованиям, в частных, а не в общественных целях).

Таким образом, в более атомизированном и разобщенном западном обществе, в котором веками культивировался дух индивидуализма, клу-

⁷ Функционирование подобных сообществ в коммуникационном плане обеспечивалось доступными в то время средствами, такими как телефонные звонки, записки, телеграммы и т.п., а также личным общением. Можно сказать, что в доинтернетовскую эпоху эти виртуальные организации стали своеобразным отечественным прообразом будущих сетевых структур современного типа.

бы выступали инструментом объединения людей (или групп людей). В СССР же, в условиях общественной собственности и давних традиций коллективизма, клубы, напротив, служили средством проявления индивидуальности, давая возможность человеку отделить себя, пусть и на короткое время, от «широких народных масс». Основным смыслом социальной активности в таких условиях заключался в стремлении потреблять «не хуже других»⁸, устроиться так, чтобы можно было «доставать» и «получать» [8, с. 47]. Подчеркивалось, что сокращение социальных связей, их обрыв, изоляция, атомизация являлись принципиальной чертой обществ советского типа [6]. И действительно, советский человек пытался всячески утаить свою частную жизнь от окружающих: прятал вещи, скрывал факты, опасаясь завистников и доносчиков, а по выходным он стремился изолироваться от общества на своих «шести сотках».

Следовательно, в СССР основной задачей функционирования неформальных клубов было не «повышение качества личного времени», как указывает А.Б. Долгин [4], а обеспечение личных или производственных нужд необходимыми товарами и услугами, то есть фактически участие в таком клубе было для индивида продолжением работы (если исходить, что человек работает, для того чтобы обеспечить необходимым себя и свою семью). Неформальные клубы помогали населению решать задачи в тех сферах, в которых это не было способно сделать государство со своим громоздким аппаратом планирования. Похожая картина наблюдалась и в хозяйственной сфере, в которой централизованное снабжение не могло своевременно и в полной мере обеспечить потребности экономических субъектов в материально-технических ресурсах, что повлекло развитие неформальных связей между предприятиями, наличие в штате предприятий так называемых толкачей – сотрудников, занятых розыском материалов и организацией их поступления.

При этом в СССР существовали и почти классические клубы, представлявшие собой частно-формальные объединения граждан, нацеленных на совместное создание определенных благ и их последующую эксплуатацию. В их числе следует отметить такие организованные сообщества, как жилищно-строительные кооперативы (ЖСК), садовые товарищества, гаражно-строительные кооперативы и др. Однако при всей кажущейся демократичности формирование и последующее функционирование данных объединений в значительной степени определялись писаными и неписаными законами административных рынков⁹. Хотя вступление в кооперативы было добровольным, гражданам требовалось дождать-

⁸ Под «другими» понимались не средние граждане, а «избранные», «успешные».

⁹ Теневая суть советских кооперативов ярко проиллюстрирована Э. Рязановым в фильме «Гараж».

ся очереди. Кроме того, необходимо указать, что, несмотря на наличие у советских людей денежных накоплений, они не спешили приобретать кооперативное жилье, поскольку пайщики теряли место в очереди на получение бесплатных квартир.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря о деятельности клубных образований в СССР, как формальных, так и неформальных, следует отметить, что они выполняли ряд важных функций, в числе которых выделим:

- координацию деятельности людей;
- канализацию их энергии;
- способствование товарообмену;
- социализацию индивидов;
- возможность для человека повысить свой общественный статус.

При этом позитивный, на первый взгляд, характер указанного во многом нивелировался почти неизбежной необходимостью соблюдения писаных и неписаных норм и правил административно-командной системы, о которых мы говорили выше.

Также организованные сообщества способствовали ускоренному научно-техническому развитию нашей страны, умножению ее интеллектуального капитала. К примеру, социализм породил в 30-е годы массовое движение новаторов, изобретателей и рационализаторов производства¹⁰. Энтузиасты получали заслуженное вознаграждение за свой труд и служили позитивным примером для окружающих. Однако, как подчеркивает Е. Добренко, внеэкономические стимулы к труду были в СССР основными, а сам труд выступал морально-нравственной и культурной (воспевание «красоты труда») категорией [11, с. 248–249]. Также Е. Добренко указывает, что фетишизация производства в советской системе была эквивалентна фетишизации потребления на Западе, при этом в центре этого производства находился не продукт, а «социалистические производственные отношения» и порождаемый ими «новый человек» [11, с. 364]. В то же время культ труда, производства не всегда стыковался с типичным бытом и досугом трудящихся, да и окружающей действительностью в целом, что со временем выразилось в накоплении общественных противоречий.

Также в качестве негативной стороны, характеризующей деятельность именно неформальных клубов, укажем рост теневого сектора экономики,

¹⁰ Как дополнение укажем, что идея получила второе рождение в послевоенной Японии и теперь вновь возвратилась в Россию под названием «кайдзен», означающим философию и практику непрерывного совершенствования процессов производства и управления. В принципе, на взгляд автора, те же корни имеет и концепция «бережливого производства» (Lean Production).

коррупцию, имущественное расслоение общества и девальвацию существовавших на тот момент идеологических и общественных ценностей, падение авторитета власти. Последствия всего этого мы ощущаем и сейчас.

Таким образом, советские клубные образования, содержащие в себе элементы классических клубов, но вынужденные существовать в условиях административного рынка, так и не переросли в полноценные институты. Данный факт наряду с разложением формальных объединений во многом предопределил нынешний институциональный дефицит в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Долгин А.Б.* Как нам стать договоропригодными, или Практическое руководство по коллективным действиям. – М.: ОГИ, 2013. – 192 с.

2. *Сакоян А.* Клубы на благо общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://polit.ru/article/2012/11/01/clubs/> (дата обращения 15.05.2014).

3. *Клейнер Г.* Микроэкономика знаний и мифы теории // Высшее образование в России. – 2006. – № 9. – С. 32–37.

4. *Долгин А.Б.* Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка. – М.: АСТ, 2010. – 256 с.

5. *Ольсевич Ю.А., Худокормов А.Г.* Наследие варварства и цивилизованные институты / Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. / сопред. редкол. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Т. III. Эпоха социальных переломов; отв. ред. Ю.Я. Ольсевич. – М.: Мысль, 2005. – С. 322–337.

6. *Дубин Б.* Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra. – 2008. – Т. 12, № 2–3. – С. 24–35.

7. *Петрако Н.Я.* Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней / ред. кол. Д.С. Львов (пред.) и др. – М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1998. – 286 с.

8. *Кордонский С.Г.* Рынки власти. Административные рынки в СССР и России. – М.: ОГИ, 2006. – 240 с.

9. *Гудко Л., Дубин Б.* «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – № 3 (59). – С. 24–39.

10. *Николаева У.* Архаизация отношений препятствует развитию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.opes.ru/1682424.html> (дата обращения 20.05.2014).

11. *Добренко Е.* Политэкономия соцреализма. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.